

В.И.ДАЛЬ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

7

Владимир Иванович Даль

Двухаршинный нос

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155641

В. И. Даль «Избранные произведения»: Правда; Москва; 1983

Аннотация

Бюрократизм и формализм чиновничества высмеивается Далем в рассказе «Двухаршинный нос». Ошибка полуграмотного хмельного писаря, вписавшего в паспорт ямщику, что у него двухаршинный нос (вместо роста), доставила последнему много неприятностей.

Содержание

Владимир Иванович Даль

Двухаршинный нос

– Ну, извозчик, теперь мы с тобой выехали на простор: за рогаткой не будет езды такой, как в городе, и разговориться тебе свободно: сказывай же!

– Да что, батюшка барин, что вам сказывать-то? Житье-бытье наше известное – не барскому чета, а бога гневить нечего, жить можно.

– Оброку что платишь?

– Оброку? Да оброку-то, вишь, многонько платим; оно бы и ничего, кабы его добыть можно, а то, того гляди, повероят тебя на работу, а в дому-то и худо будет. Оброку чистого платим мы с тягла – сперва было сто пятьдесят рублей, а теперь пошло на серебро ¹, так положили сорок пять целковых.

– И уж больше нет повинностей никаких?

– Опречь того, три дня работы с сохой, три дня жать, три дня косить, три дня сено грести, да хлеб перевозить па барское гумно, да три дня молотьбы, да опять хлеб в город свозить – вот эта гоньба одолела нас, что стоянки за нею много, – ну да еще зимой двенадцать возов дров привезти из лесу да десять рублей караульных, на усадьбу, за сторожей; а там ка-

¹ В XIX веке существовала разница между курсом бумажных денег и звонкой монетой. Так, в 1817 году ассигнационный рубль равнялся 26 коп. серебром; в 40-х годах рубль серебром равнялся 3 руб. 50 коп. ассигнациями.

зенное подушное внести, да и ступай, куда хошь.

– А много ль это всего, по вашему счету, на деньги будет?

– Да на деньги, батюшка, коли то есть кто домой не едет круглый год, уж чтоб хозяйки его не обижали, нанимает за себя, на все, – так сходит никак по двести по двадцать ассигнациями и по тридцать. Все бы это ничего, кабы хоть уж земля была – знали бы, за что платим, – а то землей мы больно обижаемся.

– А что, не хороша земля у вас?

– Да уж чего хороша, батюшка: это известно, божье дело, не наше; какова ни есть, такову и паши; да пахать-то нечего: всего по две мерочки посеvu – вот что.

– Видно, плохо унавоживаете, то есть позему мало кладете?

– Э, баринушка, одной женой да одной коровой десятины не обрядишь, хоть что хошь делай. Известно, были б луга, держали б скотинку; ан их нет, ничем ничего, и сено купуешь. Да кабы еще на казенный лес, так хоть трубу закутай на круглый год, и дыму б не понюхал дома: лес у барина заповедной, что добудешь в казенном бору, то и горит. Порядки-то ныне пошли вишь какие, большие, что проходишь да проездишь за выправкой, так оно и полено того не стоит; ну, а славу богу, бога гневить нечего, все живется; что ни сорвет лесной, а все без тепла не живем.

– Ну, и слава богу, это, стало быть, ладно; теперь сказывай, как живешь у хозяина, почем что зарабатываешь да какова

бывает удача.

– Да это, барин, известное дело, нанялся – продался, семь дней работать, а спать на себя. Хозяин платит рублей двадцать в месяц, кормит, дает верхнее платье; съездишь в день – да не равно, как бог даст: на три, на пять и на десять иному пору, в праздник, ассигнациями то есть; за счастливым поедешь боронить по улицам, не зевай только, и посадишь как раз; только свалил его – другого; а не задастся, так без почину домой приедешь, и то бывает; либо и того хуже, как полубарин какой-нибудь ездит, ездит целый день, лошадь замучит, надо бы с него получить рублей пять, а он соскочил где-нибудь: «Сейчас, братец», – да в проходной двор и шмыгнет; вот и ищи его! а тут еще простоишь да прождешь его часа два...

– Ну, а по чему же хозяин учтет тебя: может статься, ты обманешь его?

– Зачем обманывать, барин! Разумеется, кто этого не боится – пожалуй, на то воля; да ведь уж этакой долго не наживет у хозяина, а новый уж того жалованья не положит тебе, что старый. Ведь они дело это знают. Сам утаишь, так лошадь скажет: ведь он видит, сколько то есть умучена она; опять же выйдет посмотреть, как она есть. А конь, бывает, стоит повесив голову, а ты с недовыручкой, так вот он и знает. Хозяин кладет кругом свой расход, на содержание, с квартирой, с харчами, с ковкой, со всем, какова цена бывает на овес, рубля три, и поменьше и побольше; на чай, на калач, хоть

гривенник, хоть ину пору и два, это сам хозяин велит: ведь мы обедаем ночью, как домой приедем. Ну, а уж коли от тебя вином несет, так никакой выручке не поверит, этого не любит. Вот уж разве как сам ину пору загуляет – ну, тогда и все пошли и нашего брата не удержишь. Тогда он, сердечный, как придет домой, а под шапкой то есть пойдет на конюшню, осмотрит лошадей, глянет на ребят, что тоже есть хмельные, – покачает только головой: «Ну, говорит, гуляй, ребята, покуда я гуляю: а вот уж я вас приму в руки... как бросим пить...» – так опять и пошел по хозяйству по-прежнему, и даром что гулял, а все знает, все помнит, попрекнет каждого всем, что было. Если, примером сказать, какой грех случится над нашим братом, то хозяин в счет ставит, вычитает. Вот я возил раз барина в Парголово, а оттуда ехал ночью; грязь, темь, хоть глаз выколи; пьяные чухны всю дорогу заставили – я и свалил дрожки в канаву: бился, бился, не подыму один, хоть надорвись; попросил чухонца – он, спасибо, пособил да впотьмах вожжи и украл. Туда, сюда – нет; а вожжи ременные, плетеные. Хозяин десять рублей и вычел! В другой раз я, не знавши, арестанта посадил, из госпиталей. Так уж тут не до того было, чтоб с него что взять, а насилу от него-то ушел: поймают – за тобой еще пуще погонятся, чем за ним; с него-то нечего взять. Наш брат этого-то и боится. Иной смелый лихач вон и с мазуриками ездит по ночам, на хрок: двадцать пять и пятьдесят рублей за ночь получает – да нет, эта пожива плоха: у нас был один такой

– пропал; подъехали к часовому мастеру, высмотрели, мазурик соскочил да двери в сенях припер поленом, взял из сачней такую рукавицу, с гирей, пробил цельное окно, что захватил часов в охапку, сорвал, на сани, да и удрал. Мастер кинулся к дверям, покуда догадался, что приперто, да побежал кругом, через двор, а тут уж и след простыл, Однако в те поры было, видно, такое время, что ловили их, то есть по строгости, и поймали как-то, и пропал наш лихач, что слуху по нем не стало.

Кто у колоды стоит, на хорошем месте, да дешево не возит, тому не в пример легче нашего брата. Лошадь у него сыта, меньше четвертака, а иной и полтинника, он ее и с места не тронет; съездит раз, другой – на то же наведет. Еще нашему брату по гривенникам того и не сколотить.

– Ну, любезный, а какие ж еще бывали с тобой напасти?

– От этого не уйдешь, известное дело, хоть как хочешь раскидывай умом. Есть, спасибо, добрых людей на свете довольно. Бог с ними! Все жить можно. Вот раз еду на острову, около Николаевского ²; барин какой-то, уж немолодой, и крест на шее, – накупивши полный платок апельсинов, нанял и поехал. Я еду да еду – и невдогад мне, что народ смотрит на седока моего, ровно не видал его; вдруг апельсины те с дрожek покатались – я оглянулся, а барин, ровно хмельной,

² Первый металлический мост через Неву, построенный в 1850 году, первоначально назывался Благовещенским, а в 1855 году переименован в Николаевский (ныне мост им. лейтенанта Шмидта).

голова мотается и сам с дрожек ползет. Испугался я, остановил лошадь, соскочил, не знаю, апельсины ль собирать, его ли придерживать, – я к нему, а он уж богу душу отдает... Так вот у меня ноги и подкосились: беда! Нечего делать, повез я его прямо в часть, спасибо недалече было; привез его чуть живого, тут и помер. Ну, и посадили меня; не так жаль себя, как сердешной лошади, – уж так жаль, так жаль, что индо плакал, ей-богу... Вот так вовсе замучали ее, такие живодеры! Кормить не кормят, а гонять гоняют зря, кто куда попало... Ах, ты господи боже мой, что ты будешь делать? Вот беда пришла! Сижу; а меня только и выпускают за тем, чтоб, вишь, навоз подгрести вокруг лошади своей... Побойтесь вы бога, говорю, какой тут навоз будет; скотина другие сутки не евши, то есть вот хоть бы тебе зерно дали, былинку одну... Как вывели меня на двор да взглянул я на нее, сердешную, так вот я тебе и залился слезами: крюком согнуло ее, кормилицу мою; сама стоит да из навоза-то и теребит соломку... Я так вот и взвыл: что хотите делайте, ч дрожки возьмите, и кафтан с меня возьмите, говорю, только меня с нею отпустите! Вот в те поры и пропала-таки лошадка эта у меня, не выходил уж я ее, пала. Я и остался без рук. Нечего делать, пошел опять к хозяину, на чужих ездить... А ее и татарам не продал, вот что, пожалел...

– А от своей у тебя много ли больше оставалось на очистку, чем от хозяина?

– Как же можно равнять это! Все-таки своя лучше. От сво-

ей закладки, кого бог благословит, иной год двести пятьдесят и триста рублей ассигнациями на очистку выйдет. Ну, известно, над кем беда встряσετεя, вот хоть бы как надо мной, что пропала лошадка ни за грош, – уж тут не до барышей; не до жиру, а быть бы живу. Оно, конечно, все ничего, жить можно, поколе господь грехам нашим терпит, бога нечего гневить, лучше молчать. Вон у нас сосед есть, тоже помещик называется, так семерых в один кафтан согнал – и то живут, да еще и песни поют – вот как. Мало ли, на свете не без того, есть всякая обида, да нашему брату надо терпеть. Вот у нас ину пору, например, номерной староста кого вздумает прижимать, коли из чести не даешь ему полтинника за выправку номера: так чем ему взять? Вот он и пойдет наряжать тебя раз в раз, как требуют извозчика в часть, глядеть, когда над нашим братом расправа бывает, за какую провинность; вот он и наверстает тебе на то же, и полтиннику не рад будешь, а того гляди без хлеба останешься. Или вот городской – ну, свезти бы его в часть с пьяным каким, что ли, это бы можно, ничего; так ведь там-то стоишь после, стоишь, уехать не смеешь, покуда не отпустят, либо еще номер отберут: вот и находишься после за ним. Зато уж наш брат знает это: как только завидел его где, что оглядывается, то вот как зайцы из-под облавы, все врознь, кто куда попало, только давай бог ноги... Ну уж зато как оплошаешь да попадешься, так только держись... А все ничего, слава богу, то есть нечего бога гневить, жить можно.

– А рекрутство как у вас идет?

– Да мы, благодаря бога, некрутством не обижаемся; у нас хорошего мужика не отдаст барин ни за что, хоть сто лет живи; а вот как чуть который зашалит, так ему и забреют лоб взачет, запас и есть; а набор пришел – квитанции у барина готовы. А там у них есть чередной, хоть жеребьевой, все одно: и очередь и жребий – все в воле божьей да в руках начальства. Есть у меня там кум, богатый мужик, да из-за этого самого дела вот того гляди по миру пойдет: известно, всякому своего жаль; мы того не разбираем, что и другому своего жаль: кошке котя, а княгине ребя – тоже дитя. Ну, как только набор скажут – а семья у него большая, – так он и пойдет хлопотать; раз усадил сот-ню-другую невесть куда, и в другой раз, а в третий уж никак сот семь. Другие, известно, обижаются этим, ходят, просят, ярыжек зазывают, потчуют, задаривают, напиши то есть просьбу; ну, тот, известное дело, что богаче мужик, что больше с него надеется вымозжить, то и просьбу длиннее пишет, и настрочит тебе в просьбу то, чего и сроду не бывало, а может статья, коли и было что, так ведь, не обмотав вокруг пальца, не докажешь. Вот и стал виноват. Одного потянули, другого потянули, все перепугались, так что беда. За кого тут взяться? Известно, за богатого. Опять принялись за моего кума сердешного, да так то есть обработали его, что никуда не годится. А что проку? Год прошел, опять сказан набор, опять дело его не минует: отбыть уж и не стало сил; разориться разорился в разор, а

року не миновал: среднему сыну таки забрали лоб.

– А у тебя из родни есть кто в солдатах?

– Есть брат, да не родной. Ну, нечего грешить, его таки отдали за дело: за свою правду стал, да уже задорен больно – вот хоть с кем, так на драку готов. Отобрали, вишь, конопляник у него, что уж годов с двадцать все владел и наземом поправлял, а отвели другой, почитай что кочкарник, обдeldывай, дескать, снова. Ну вот он тут за свою обиду и постоял да вилами всю одежду перепорол на том мужике, за которого с барского двора, от самого то есть господина, девку отдали, а за нею и конопляник этот пошел, как будто то есть в приданое. Пришел сам приказчик унимать, – ну, а брат стоит себе с вилами на стороне, настороже, на своем коноплянике, никого, говорит, не пуцу, хоть что хошь делай. Приказчик к нему, да то есть чтобы в зубы его, а тот его по лбу вилами, да на них же поднял, да через тын и махнул; тот насилу встал, словно бока отлежал. Вот оно какое дело было. Ну, барин и осердился и приказал тотчас его сдать. Как сказали ему, что в солдаты, так он и бросил вилы и пошел сам, говорит: «Вилы как не сменить на государево ружье; пойду сам и никого не затрону, не опасайтесь». Ну, и пошел; живет себе, ничего, служит – не тужит; он прошлого года писал домой, так пишет, что, благодаря бога, жить можно на свете. Оно и точно, сударь, можно, поколя господь грехам терпит.

– Ты помянул, однако ж, про двух покойников, которых возил, а рассказал только про одного: какой же такой был у

тебя другой?

– А другой, батюшка Парии, был вот какой: на маслене посадил я под качелями двоих плотников, что ли, каких-то, и везти было их в Ямскую. Оба они, правда, хмельны были, а один так уж и вовсе ноги волок. Товарищ втащил его, уселись, поехали. В Чернышевом переулке вдруг что-то у меня развалились седоки, а сидели было сперва смирно; я оглянулся: один глаза под лоб закатил, а другой, соскочив с саней, да давай бог ноги, – видно, со страху и хмель прошел, – так по Садовой и пустился. Гнаться мне за ним нельзя, а испугавшись беды, я остановил лошадь, поглядел на товарища его – ничего, мол, бог милостив, видно больно хмелен, отойдет. Усадив его кой-как в сани, я скорее до места; там ребята обступили, как стал я доспрашиваться, где тут плотники живут. Посмотрели они на седока моего, который уж весь под полсть съехал, узнали его в лицо. «Это, говорят, Гришка, вон он где стоит, там у него и хозяйка». Привожу туда и спрашиваю Гришкину хозяйку; она было вышла, да как поглядела на него, как увидела, что неживой, а уж он у меня и помер в санях, так и откинулась: не принимает, да и только, хоть ты что хошь делай. «На что его мне, говорит, ты, коли извозчик, так живых вози, а не мертвых».

Я туда, сюда, парод собрался, кричат, день же праздничный, кто говорит ей: «Прими, дура, ведь твой»; кто кричит: «Не принимай, беда будет». Бился, бился: нечего делать, повез в часть... Видно, такая моя доля! Наплакался я и этот

раз, и другу и недругу закажу покойников возить: «Найди, говорят, да поставь нам товарища его»; так где же я его возьму? «Уж коли вы, господа, не отыщете его, так нашему-то брату где ж его взять? Ведь я посадил его на улице, хлеба-соли с ним не важивал, паспорта его не прописывал и на уме его не бывал, не знаю, куда он повернул из Садовой да куда удрал»; так нет, говорят, подай: «Покуда его не найдем, и тебя не отпустим». Лошадь же моя была хозяйская, так хозяин и хлопотал; подержали с месяц и выпустили.

А вот, барин, помянул я про паспорт, а вы про все спрашиваете, так к пиву едетя, а к слову молвится, – к слову пришлось рассказать вам: вот за паспорт притча была со мной, так, чай, сколько свет стоит, ни с кем этого не бывало. Слыхали ль вы когда, чтоб у нашего брата был нос не по чину, в маховую сажень? Ну, так вот я же вам расскажу: диво, ей-богу, да и только! Дело это было уж годов тому семь. Я оброк уплатил вперед за год, бог пособил, а у нас без этого не пускают; либо по третям вноси, так и билет на четыре месяца выдадут. Вот я и взял паспорт годовой и пошел, ни о чем не горюя. В те поры поднялись мы, человек пять, сколотившись деньжонками, в извоз; товар клали недалече ох себя, а везти было в Москву. В одном городишке – и на город-то не похож, хуже иной деревни – пошел один из наших прописать паспорта, и, видно, прописывали по строгости, что недавно, вишь, наслан был новый городничий, а старого сменили; приходит – все ничего, и не впервые уж прописывались, даже

не раз становые и прочее начальство глядели. Ну, известно, не без того, за прописку возьмут с тебя и отпустят; а тут вот какая притча случилась:

– Где у вас Алексей Федотов?

– При лошадях остался.

– Пошли его сюда.

Прибежали ребята и кричат меня. Я пошел.

– Ты Алексей Федотов?

– Я, мол, сударь.

– А зачем ты с чужим паспортом ходишь?

– Я, мол, не знаю, сударь, какой изволите казать паспорт, а у меня, надо быть, свой был.

– Нет, врешь, приметы не твои. Посадить его под караул!

Вот тебе и расправа! А тут, батюшка, вот какая беда прокрутилась; известное дело, в паспорте, супротив примет, писаря выставляют, как положено: рост – два аршина шесть вершков; лицо – круглое; волоса – русые; нос – средний; подбородок – обыкновенный; а видно, писаришко-то у нас либо хмелен был, проклятый, либо недоглядел да против росту поставил: средний, вместо носу; а против носу – два аршина шесть вершков! Вот тебе и примета! Узнав все это, я и говорю:

– Помилуйте, не погубите, не держите, наше дело дорожное: нам сутки простою с лошадьми дороже головы... помилосердуйте!

– Нет, говорят, паспорт не в порядке, не то фальшивый,

либо чужой.

– Чем же я виноват тому, что мне там прописали? Я человек неграмотный, взял, что подали, – только и вины моей. А что носу такого нет у меня, батюшка, так где ж его взять? Ведь это хоть по всему свету пройти, так такой не найдется! Шутка, чтоб нос у тебя был в два аршина и шесть вершков! Эка штука!

Вот как, батюшка барин, и нос этот, по строгости тогдашней и по новости городничего, дорого нам обошелся...

А все, слава богу, нечего гневить его милосердие, жить нашему брату можно. Какая беда хоть и станется над нами под лихой час, все по грехам нашим; а поколе господь грехам терпит, все жить можно.